
О совместимости ценностей счастья и свободы

© 2019 г. Н.Ф. Рахманкулова

Faculty of Philosophy, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

E-mail: nrahmankul@gmail.com

Поступила 17.02.2019

Статья сосредоточена на проблематике совместимости свободы и счастья, рассматриваемой с использованием аксиологически-персоналистского подхода и с привлечением материалов истории философии, а также проектов по глобальному изучению ценностей. Автор показывает, что существенные расхождения в позициях по данному вопросу в значительной мере определяются степенью содержательной и ценностной значимости каждой из этих идей для личности. Так, широко применяемая в современных междисциплинарных исследованиях эвдемонистическая трактовка счастья (в аристотелевской традиции) предполагает его гармоничную сочетаемость с личной свободой. Анализ текстов Аристотеля, Канта, Локка, Достоевского и ряда других мыслителей свидетельствует о том, что, несмотря на концептуальные разногласия, все они, тем или иным образом, признают наличие закономерной положительной корреляции между уровнями свободы, счастья и личного достоинства. Эти три идеи, развернутые в их ценностной и содержательной полноте, соединяются и реализуются в таком состоянии жизни, когда человек доволен ее общим течением, поскольку она, благодаря его собственным творческим усилиям и под его руководством, направляется к целям его совершенствования и блага других людей, максимально приближаясь к его идеалу жизни.

Ключевые слова: счастье, свобода, личность, ценности, совместимость, история философии, глобальные исследования, эвдемонизм, идеал жизни.

DOI: 10.31857/S004287440007162-3

Цитирование: *Рахманкулова Н.Ф.* О совместимости ценностей счастья и свободы // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 55–65.

About the Compatibility of the Values of Happiness and Freedom

© 2019 г. Nelli F. Rakhmankulova

Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: nrahmankul@gmail.com

Received 17.02.2019

The article focuses on the issues of the compatibility of freedom and happiness, which is considered using an axiological-personalistic approach and involving materials from the history of philosophy and current projects on the global value survey. The author shows that the significant discrepancies of opinions on the matter are, to a large extent, determined by the degree of content and value of each of these ideas for the person. Thus, the eudemonistic interpretation of happiness (according to the Aristotelian tradition) widely used in modern interdisciplinary studies implies its harmonious compatibility with personal freedom. The analysis of the texts of Aristotle, Kant, Locke, Dostoevsky and a number of other thinkers demonstrates that, despite the conceptual differences, they all somehow recognize the natural positive correlation between levels of freedom, happiness and personal dignity. These three ideas, their value and meaning potential being unfolded, are joined together and realized in such a state of life, when one is content with its overall flow, because it is directed by one's creative efforts and under one's guidance to the objectives of one's own perfection and the good of others, getting as close as possible to one's ideal of life. This kind of understanding is confirmed and concretized in the course of modern long-term research of the dynamics of value consciousness and factors of growth of well-being in the world.

Key words: happiness, freedom, personality, values, compatibility, history of philosophy, global research, eudemonism, ideal of life.

DOI: 10.31857/S004287440007162-3

Citation: Rakhmankulva Nelli F. (2019) 'About the Compatibility of the Values of Happiness and Freedom', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2019), pp. 55–65.

Совпадение линии жизни с линией идеала есть счастье, ... усилие для этого совпадения есть дело жизни
Л.Н. Толстой

Вопросы о том, как связаны счастье и свобода, совместимы ли они, может ли быть счастье без свободы, находятся в круге важнейших проблем человеческого существования и его философского осмысления. Высокая значимость этих идей обусловлена, прежде всего, тем, что они, являясь мировоззренческими ориентирами, имеют очень широкое, подвижное и весомое ценностно-смысловое содержание. Более или менее полное понятийное выражение этого содержания остается сложной задачей для теоретической мысли, решение которой имеет немалое практическое значение. Люди определяют свои жизненные приоритеты и цели в зависимости от восприятия и понимания того, что такое счастье, насколько оно значимо и достижимо, как связано с ценностью личности и ее свободой.

В наше время эта проблематика становится особенно актуальной. Со второй половины XX века происходят существенные трансформации в образе жизни и в ценностных предпочтениях большинства жителей планеты. Общая направленность этих трансформаций, судя по результатам исследований, такова: ценности, отвечающие

потребностям в личностном развитии, полноценной самореализации, благополучии в целом, выдвигаются в ряд приоритетных по мере роста уровня материальной обеспеченности и безопасности. Процесс идет в сторону осуществления гуманистического принципа «общество для человека и человек для общества» [Субботина 2018, 13]. В XXI веке он получает новый импульс, что находит выражение в резолюции Генассамблеи ООН (от 19.07.2011) «Счастье: целостный подход к развитию» [Happiness...2011 web]. В ней международному сообществу предлагается рассматривать рост счастья в качестве общей социально-политической цели, а его уровень – в качестве интегративного критерия развитости народов. Данные положения продвигаются в рамках реализации программ ООН по достижению целей устойчивого развития, включающих в себя «преодоление бедности, защиту планеты и обеспечение процветания всех» [Sustainable Development...2015 web].

В ответ на эти преобразования, в сфере социогуманитарного познания усиливается интерес к изучению ценностных мотиваций, а также факторов «положительной направленности», подъему уже достигнутого уровня благополучия. Оно выступает предметом междисциплинарных исследований, примером чему может служить Оксфордский справочник по вопросам государственной политики и благополучия (см. [Oxford Handbook of Well-Being and Public Policy 2016]). Влиятельным направлением академической психологии за последние полвека стала позитивная психология, сосредоточенная на вопросах счастья и процветания (см. [Селигман 2013]). В ее русле уже более 30 лет разрабатывается под руководством Э. Диси и Р. Райана фундаментальная «Теория самодетерминации», согласно которой самодетерминация личности, ее автономия, предполагающая свободу выбора, является важнейшим фактором психического благополучия (см. [Ryan, Deci 2017]).

Вместе с этим разворачивается изучение индивидуальных и общественных ценностей в их динамике. Использование современного информационно-технологического инструментария, синтезирующего достижения различных наук, а также имеющаяся инфраструктура международного сотрудничества, предоставляют беспрецедентные возможности для проведения долговременных глобальных исследований ценностных ориентаций людей в связи с условиями их жизни. Наиболее показательными в этом отношении мне представляются два действующих проекта – «Всемирный обзор ценностей» – ВОЦ (с 1981 г.) и проект, в рамках которого готовятся ежегодные «Всемирные доклады о счастье» – ВДС (с 2011 г.). ВОЦ, как отмечено на официальном сайте проекта [World Values Survey web], является глобальным исследованием, которое ведётся «волнами» (с 2017 г. идет 7-я волна), сейчас охватывает около 100 стран мира с 90% населения Земли. Полученные данные широко используются учеными, журналистами и политиками. В частности, они учитываются при реализации программы устойчивого развития ООН. Недавно вышел обобщающий труд одного из основателей и руководителей проекта Р. Инглхарта [Инглхарт 2018]. ВДС – междисциплинарный мегапроект по глобальному исследованию счастья, координируемый подразделением ООН «Сеть по решению проблем устойчивого развития». Всемирный доклад о счастье 2018 охватывает материал по 156 странам мира [Helliwell, Layard, Sachs (eds.) 2018 web]

Кратко рассмотрим, о чем, в самом общем виде, свидетельствуют большие данные упомянутых выше проектов по вопросу соотношения ценностей счастья, свободы и личности в мировоззрении современных людей. Отметим, что важнейший материал для исследований по этим параметрам дают глобальные опросы, при подготовке и обработке которых ученые опираются на философское понимание ценностей. В ходе опросов выясняется, как респонденты воспринимают и оценивают свою жизнь: насколько удовлетворены ее течением, чувствуют себя счастливыми, насколько их жизнь соответствует идеалу – представлению о наилучшей жизни, насколько они контролируют ход своей жизни и чувствуют себя свободными.

Ученые, ведущие ВОЦ, приходят к выводу, что на протяжении всего периода наблюдений в мире доминирует следующая тенденция: растёт уровень счастья, во все большей мере связанный с ростом свободы и ценности личностной самореализации.

Р. Инглхарт утверждает, что «основная причина, по которой изменения последних 30 лет привели к росту уровня счастья, заключается в расширении свободы выбора» [Инглхарт 2018, 233]. Объясняется это тем, что, в ходе подъема постиндустриального общества и становления общества знания, «экономическое развитие, демократизация и распространение социальной толерантности достигли таких размеров, что люди стали ощущать, что у них есть свободный выбор, а это, в свою очередь, привело к повышению уровня счастья в мире» [World Values Survey web].

Согласно представленным на сайте проекта теоретическим выкладкам, в мире происходит трансформация порядка ценностей: приоритетными становятся «постматериальные ценности самовыражения», а преобладавшие ранее «ценности выживания» отступают на второй план. Приверженность ценностям выживания характеризуется тем, что безопасность ставится выше свободы, преобладают нетерпимость, воздержание от политической активности, недоверие чужим и слабое чувство счастья. Ценности самовыражения предполагают противоположные позиции по всем этим пунктам. Реализуя ценности самовыражения, люди делают свою жизнь более счастливой по сравнению с той, в которой главенствуют ценности выживания. Перемены в ценностных ориентациях показывают, что по мере совершенствования социума растет ценность развития личности и свободы как фактора счастья. В странах, достигших определенного уровня материального благополучия и безопасности, где удовлетворены базовые потребности людей, увеличение дохода оказывает все менее ощутимое влияние на рост счастья, а вот свобода выбора и самовыражение «играют все большую роль в формировании их благополучия» [Инглхарт 2018, 233].

Материалы ВДС также демонстрируют отчетливую положительную корреляцию между индикаторами счастья и свободы. Исследователи выделяют шесть ключевых факторов, усиление которых ведет к устойчивому росту субъективного благополучия, повышает оценку человеком своей жизни по шкале счастья. В их число, наряду с ВВП на душу населения, социальной поддержкой, продолжительностью здоровой жизни, щедростью и свободой от коррупции, входит свобода жизненного выбора, являющаяся существенным компонентом свободы как таковой. Эти шесть переменных, в совокупности, «объясняют почти три четверти вариаций в национальных годовых средних показателях» уровня счастья в рейтинге по странам [Helliwell, Layard, Sachs (eds.) 2018 web].

ВОЦ выявляет также сбой в продвижении гуманизации. Тенденция к обозначенной выше смене ценностных предпочтений, хотя и представляет на большом отрезке времени (с начала 1980-х гг. по настоящее время) общий вектор движения, но не является единственной. Для многих стран и регионов ценности выживания остаются влиятельными, что делает поворот к ценностям самовыражения затруднительным. Больше того, в последнее десятилетие усиливается так называемый «культурный откат», выразившийся в ослаблении позиций ценностей самовыражения, в том числе, и свободы. Этот процесс затронул даже США и Западную Европу, где заметно оживление ксенофобии, авторитаризма и популизма. Главную причину отката Р. Инглхарт усматривает в обострении социального неравенства, вызванного быстрым подъемом экономики общества знания и переходом его на стадию общества искусственного интеллекта. Люди традиционных профессий вытесняются с рынка труда, идет сверхконцентрация ресурсов в руках лидеров экономики знаний. Все это усугубляется массовым притоком мигрантов в благополучные страны. Как следствие, уменьшается социальная защищенность больших групп населения и растет привлекательность ценностей выживания. Объективно, возврат к этим ценностям противоречит интересам подавляющего большинства людей, препятствует достижению целей развития и процветания. Положительное решение Р. Инглхарт видит в том, чтобы общество, с помощью своих политических институтов, занялось перераспределением ресурсов в сторону достижения большего равенства и справедливости (благо, что эти ресурсы небывало велики и продолжают расти), а также созданием новых, содействующих улучшению качества жизни, рабочих мест [Инглхарт 2018, 240–294]. В более общем плане, мне представляется, что речь идет о необходимости осознания очередного

вызова истории и направлении усилий на подчинение гуманистическим целям возросшего цивилизационного потенциала, расширяющего возможности свободы.

Таким образом, большие данные по изучению ценностей в мире свидетельствуют о наличии существенной положительной связи между счастьем, свободой и развитием личности. Значимость того, что оценивается как счастье и свобода, а также их значимость друг для друга варьируется в зависимости от уровня и качественного своеобразия личного и социального развития. За время ведения глобальных регулярных исследований ценностей наблюдается преобладание тенденции к росту ценностей счастья и свободы. Однако продолжают происходить, временами усиливаясь, и процессы противоположной направленности, характеризующиеся снижением ценностей свободы, личностного развития, уменьшением счастья. Такие «откаты» затрудняют продвижение человеческого сообщества по пути гуманизации и ставят перед ним новые задачи, в том числе и теоретические.

Определенный вклад в теоретическую разработку актуальной ценностной проблематики способно, на мой взгляд, внести философское исследование взаимосвязи идей свободы и счастья, проводимое с обращением к истории философии и применением аксиологически-персоналистского подхода. Он способствует раскрытию личностной и общественной значимости свободы и счастья, их ценностного и содержательного наполнения, направленности и факторов их динамики. Особенно важным представляется выяснение оснований уязвимости ценности свободы, колебаний ее ценностного уровня. В моих предыдущих работах ценности уже рассматривались с помощью такого подхода (см., напр., [Рахманкулова 2016]). Взаимосвязь счастья и свободы при этом имелась в виду, но не была главной темой. Насколько мне известно, не существует философских работ, специально посвященных тому, чтобы объединить проблематику счастья и свободы в данном ракурсе. Предлагаемое ниже исследование, надеюсь, в какой-то мере поможет восполнить этот пробел.

Обсуждение проблем счастья и свободы идет с тех пор, как появилась классическая европейская философия. Чтобы вступить в поле рассмотрения в интересующем нас ключе, надо сказать, что здесь имеется в виду под счастьем и свободой в самом первом приближении. Счастье есть качество жизни человека, в которой он реализует лучшие возможности, свои и условий своего существования, и доволен ее движением в целом. Свобода — это состояние жизни человека, характеризующееся тем, что он сам, собственными усилиями достигает того, что считает благом. Философы, соотнося эти идеи, в зависимости от определения их содержания, либо представляли их в целом гармонично взаимосвязанными (как это делал Аристотель), либо обнаруживали существенные расхождения между ними (как Кант).

Главная сложность состоит в том, что есть различные понимания счастья и свободы, порождающие разногласия по вопросу об их совместимости. Поскольку речь идет об идеях мировоззрения, во многом определяющих ценностные ориентиры личности, для выявления связи между счастьем и свободой считаю целесообразным сосредоточиться на рассмотрении их видов по уровню содержательной и ценностной наполненности, значимости для достоинства личности. Аксиологически-персоналистский подход дает возможность рассматривать эти виды и как компоненты, и как стадии развития счастья, свободы и самого человека — от низших, самых «лёгких», малосодержательных и малоценных видов счастья и свободы до высших, предельно ценных, сложных и труднодостижимых.

Яркие и богатые смыслами образы двух противоположных, по отмеченным признакам, способов жизни дала уже ранняя античная мысль в известном рассказе Продика о юном Геракле на распутье (из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта Афинского). Герой выбирает между двумя дорогами жизни, на одну из которых зазывает его Порочность, а по другой готова повести Добродетель. Первая сообщает, что друзья зовут ее Счастьем, а ненавистники Порочностью. Она обещает лёгкое себялюбивое счастье, состоящее из жизни полной чувственных наслаждений, со свободой делать что хочется, «не останавливаясь ни перед чем» [Ксенофонт 1993, 43]. Вторая собеседница Геракла — Добродетель, напротив, обещает путь трудов, забот, опасностей и

подвигов, самоограничения и тяжелой ответственности. Но он приносит высокое «блаженное» счастье, заслуженное разнообразными добрыми и славными деяниями. Люди, следующие Добродетели, будут испытывать радость от того, что достигли своими силами похвальных целей и, благодаря достойно прожитой жизни, «любезны богам, дороги друзьям, чтимы отечеством», а после смерти «не забытые и бесславные лежат они, а воспоминаемые вечно цветут в песнях» [Ксенофонт 1993, 46].

Описанный в рассказе низший, порочный, вид счастья отмечен грубым гедонизмом, эгоизмом, потребительством, доходящим до асоциального паразитизма. Это «легкое» счастье, состоящее из максимума чувственных удовольствий и минимума страданий, сопрягается с низкой свободой и ответственностью: внешней отрицательной свободой – отсутствием препятствий к реализации телесных потребностей и влечений индивида – и произволом. В этом случае содержательность и ценность счастья и свободы наименьшие, достоинство личности крайне низкое, ее развитие ограничено. Благо индивида, ведущего такую жизнь, достигается за счет уменьшения блага других людей и социума в целом. Удовольствие от такой жизни неустойчивое и узкое. Оно определяется возможностями удовлетворения запросов чувственности и уязвлено общественным порицанием.

«Тяжелое» счастье, к которому склоняет Добродетель, есть качество жизни, максимално приближенной к идеалу полноценного осуществления лучших человеческих возможностей. Такое счастье соединено со сложной внутренней и внешней положительной свободой предельно ответственного человека. Содержательность и ценность счастья, свободы и личного достоинства здесь наибольшие. Счастье и свобода одного человека благоприятны для счастья и свободы других. «Тяжелое» счастье требует добровольного самоограничения, принятия рисков, страданий и трудов ради высоких смысложизненных целей, преодоления внутренних и внешних препятствий к ним. Оно в полной мере недостижимо, поскольку направлено к идеалу совершенства. Недаром его выбирает герой, совершивший легендарные подвиги и заслуживший участь богов после смерти. Вместе с тем, чувство удовлетворенности такой жизнью существенно богаче, насыщеннее положительными переживаниями. Они включают в себя чувства собственного достоинства, исполненного долга перед собой, близкими людьми и сообществом, преодоления трудностей и благодеяния людям, признания и уважения с их стороны, творческого совершенствования и другие радости, недоступные при «лёгком» счастье.

Когда две эти противоположные трактовки счастья сопоставляются с обыденным представлением о нем, возникает вопрос, действительно ли они представляют счастье. В первой оно слишком низкое и малоценное, во второй слишком трудное и малодоступное, обремененное тяжёлой свободой. Понятно, что предъявленные выше образы и смыслы «лёгкого» счастья и соответствующей свободы слишком одиозны, чтобы быть общественно признанной позитивной жизненной стратегией. Они, скорее, представляют гипотетические образцы наихудшего выбора, побуждающие к движению в противоположном направлении. Другое дело «тяжелое», «добродетельное» счастье. Мысль о том, что оно является идеалом счастья, его совершенным выражением, проходит через историю европейской философии, утверждаясь уже в Аристотелевой этике эвдемонизма. Однако теоретическое, и тем более – практическое, признание, в качестве наиболее ценного, такого счастья, необходимым образом сопряженного с полновесной свободой, встречается с немалыми препятствиями.

Действительно, сопоставление счастья и свободы обнаруживает не только близость, но и различие в их ценностно-целевой направленности, которое может привести к столкновению между ними. В мировоззрении (философском, религиозном, художественном, житейском) высокая ценность счастья обычно представляется очевидной. Оно воспринимается как общая цель жизненных устремлений, а достижение его – как лучшее состояние жизни человека, сопровождаемое переживанием устойчивой радости, удовлетворенностью общим течением жизни и собой, поскольку он ведет ее в желаемом им направлении. Сложнее с оценкой свободы. Она несет не только благо осуществления личных возможностей жизнестворчества, но и трудности

преодоления внутренних и внешних преград к этому, и, что особенно тяжело, бремя личной ответственности за самоопределение и его последствия. Рост свободы расширяет горизонты совершенствования, отдаляет его идеал, что для личности оборачивается усилением переживаний своего несовершенства, вины за неисполненный долг, недовольства собой.

Изучение истории идеи свободы показывает, что особенно трудной предстает свобода у тех мыслителей, которые очень высоко ставят достоинство личности и, вместе с тем, видят природу человека ценностно противоречивой, антиномичной, как это делают Паскаль, Кант, Достоевский, Бердяев, Шелер, Ясперс, Сартр, Фромм. Для них свобода осуществляется, прежде всего, в борьбе человека с недостатками собственной природы и продвигается в ходе самосовершенствования по направлению к идеалу достойного человека существования. Почти все они, признавая за свободой высокую ценность и содержательность, соединенную с достоинством личности, останавливают внимание также на проблеме бремени свободы и феномене «бегства от свободы». Они подходят к решению этих проблем исходя из того, что ценность свободы выше ценности неотягощенного страданиями, борьбой и ответственностью счастья. Мыслители, рассматривающие человеческую природу как преимущественно благоую, – Аристотель, Локк, Дидро, Руссо, Фейербах, Маркс, Тагаркевич, Рикёр и др., – склонны представлять более гармоничными отношения между полноценной свободой и столь же полноценным счастьем.

Аристотель, в соответствии с оптимистическим и гуманистическим духом своего мировоззрения, не сомневается в глубинной сопряженности счастья-эвдемонии со свободой, полагая, что по-настоящему счастливым может быть только свободный человек. Свободен тот, кто может распорядиться своей жизнью, делать осознанный и ответственный выбор в пользу наиболее благих целей, намерений и поступков. В «Никомаховой этике» проводится мысль о том, что эвдемония есть качество жизни человека, приносящее ему чувство довольства от того, что он сам, свободно, в ходе всей своей жизни развивает и реализует в общении с другими людьми лучшие свойства собственной души (добродетели), выполняя индивидуально своеобразным способом предназначение человека. Осуществление его как разумного, общественного и нравственного существа предполагает свободу индивида и является основой его счастья [Аристотель 1984, 281, 64–69, 259]. Социально-политическая сторона жизни необходимым образом входит в пространство его самореализации. Больше того, само государство должно заботиться о том, чтобы граждане могли быть счастливы, ведь, как утверждает в «Политике», оно существует «ради достижения благой жизни» [Аристотель 1984, 378] Важно отметить, что классическая античная трактовка эвдемонии носит культурно-элитаристский характер. Согласно Аристотелю, действительно счастливыми могут быть только граждане свободного полиса, а высший род счастья – блаженство созерцательной жизни – доступен только мудрецам-философам.

В Новое время одним из наиболее влиятельных продолжателей идеи Аристотеля об имманентной связи счастья и свободы, встроивших ее в просветительскую парадигму, был Джон Локк. В этой системе взглядов речь идет уже о счастье для всех людей, поскольку на первый план выдвигается значение единства человеческой природы, способностей и естественных прав человека. Локк утверждает: «Счастье в своем полном объеме есть наивысшее удовольствие, к которому мы способны, а несчастье – наивысшее страдание» [Локк 1985, 309]. Удовольствие мы получаем, достигая желаемого блага. Будучи разумными существами, мы можем выбирать блага и делать их предметом желания, устремляться к достижению наивысшего блага, приносящего истинное и надежное счастье. Стремление к такому счастью – важнейшее дело жизни разумного существа. Ход рассуждений приводит Локка к чрезвычайно плодотворной идее, связывающей счастье и свободу: «Необходимость добиваться истинного счастья есть основа всякой свободы». Он поясняет: «Чем крепче мы привязаны к неизменным поискам счастья вообще, <...> тем свободнее мы от необходимости определить свою волю к какому-нибудь отдельному действию и от необходимости уступать своему желанию, направленному на какое-нибудь отдельное благо, которое кажется

предпочтительным в данный момент, пока мы должным образом не рассмотрели, содействует ли оно или противоречит нашему истинному счастью» [Там же, 316]. Таким образом, Локк подходит к мысли о том, что стремление человека к счастью и свобода взаимосвязаны по сути. Действительно, стремление к счастью усиливает автономию человека, его свободу, а рост свободы увеличивает шансы на достижение счастья. Вместе они содействуют развитию и реализации собственно человеческой способности к ценностно-целевой самодетерминации.

В философии Канта такое понимание получает дальнейшую разработку, хотя у немецкого философа путь к союзу между свободой и счастьем, в их ценностной и содержательной полноте, предстает драматичным и бесконечно долгим. Он ведет к окончательному их соединению только в высшем божественном благе, в «потустороннем царстве целей». Человек «смеет надеяться» на этот союз, приняв три «постулата чистого практического разума»: бессмертия души, свободы и бытия Божьего [Кант 1995, 234–235].

Человек, по Канту, двойственен: он и «*homo phaenomenon*» – «существо природы», и «*homo noumenon*» – «существо свободы»; достоинство первого относительно, второго – безусловно [Там же, 293, 196]. Из такой ценностной и онтологической антиномичности человека следует дихотомия склонности, определяющей его стремление к счастью, и нравственного долга, определяющего его стремление к свободе. «Счастье – это такое состояние разумного существа в мире, когда все в его существовании происходит *согласно его воле и желанию*; следовательно, оно основывается на соответствии природы со всей его целью и с главным определяющим основанием его воли» [Там же, 228]. Свобода же осуществляется, главным образом, в исполнении нравственного долга. Моральный закон, наивысший принцип которого выражен в категорическом императиве, основывается на автономии «воли как свободной воли». Свобода, как постулат чистого практического разума, вытекает «из необходимого допущения независимости от чувственно воспринимаемого мира и из способности определения своей воли по закону некоего умопостигаемого мира» [Там же, 234]. Долг призывает ставить конечной целью не собственное счастье, а «*собственное совершенство и чужое счастье*», потому что стремиться к счастью человек склонен по природе, долг же есть «*принуждение к неохотно принятой цели*» [Там же, 419].

В высшем благе, «величайшее счастье представляется связанным с величайшей мерой нравственного (возможного для сотворенных существ) совершенства в самой строгой пропорции» [Там же, 232]. Поэтому, поясняет Кант, мораль «есть учение не о том, как мы должны *сделать* себя счастливыми, а о том, как мы должны стать *достойными* счастья» [Там же]. В целом, Кант выстраивает систему взглядов, соединяющих идеи самоценности личности, свободы и счастья. Он утверждает, что человек есть цель «*сама по себе*», «*человечество* в его лице должно быть для него святым» [Там же, 196]. Обратим внимание на то, что по логике Канта, чем больше человек продвигается в исполнении нравственного долга, тем больше он реализуется как существо свободы, тем больше содействует счастью других людей и сам становится более совершенным и достойным счастья.

Выдвижение «собственного совершенства и чужого счастья» в качестве главной цели и смысла жизни каждого человека, является, по моей оценке, точнейшим выражением сущности гуманизма, задающим общий вектор его личностной, межличностной и социальной направленности. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.) Кант представляет идеал всемирного общественного устройства – «всеобщее правовое гражданское состояние», дающее оптимальные условия для достижения свободы, благополучия и реализации потенциала каждого человека, и намечает ведущий к этому состоянию путь исторического прогресса [Кант 1994]. Его общий смысл можно оценить как гуманизацию жизни. Философ признает способными к совершенствованию, направленному к достижению полноценной свободы и счастья, всех людей, а не только избранных «титанов духа». Он осознает, что в противном случае реальна узурпация свободы, счастья и достоинства личности в руках псевдоэлиты, которая существенно ограничит возможности реализации этих ценностей как таковых.

Доказательством этого «от обратного» стали отступления от данных гуманистических идей в истории XIX века и особенно — века XX, вызванные действительными трудностями, разочарованиями и неудачами в их осуществлении. Однако последствия этих отступлений, приводящих к массовому «бегству от свободы» и тоталитаризму, оказываются катастрофическими для целых народов.

Достоевский в главе «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы» раскрывает соблазны избавления от «тяжелой» свободы и ее необходимость для действительного счастья. Отказ от такой свободы не даст настоящего счастья никому. Он будет отказом от совести и от собственной личности. Великий инквизитор, вождь псевдоэлиты, утверждает, что для счастья миллионов людей надо забрать у них «мучительный дар свободы», избавив от личной ответственности за выбор жизненных смыслов: «от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного» [Достоевский 1991, 292]. Человек, разъяряет Инквизитор, «слаб и подл», он жаждет свободы, но не способен направить этот божественный дар на благие цели, злоупотребляет им, истребляя себя, потому что «был устроен бунтовщиком». Нет ничего «обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет и ничего мучительнее» [Там же, 287]. «Сильные», которых меньшинство, возьмут ответственность за «слабых» и покорят их, успокоив ложным обещанием вечного спасения. Покоренные будут счастливы, покорители — несчастны. Инквизитор говорит: «Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла» [Там же, 292]. Обманутые вождями, на дне рабства, будут считать себя свободными, на краю гибели, спасенными. И, если даже поверить Инквизитору, что он избавляет людей от свободы из любви к ним, то это снисходительная любовь к низшим, а не к равным. Таким образом, согласно Достоевскому, ценой отказа от «тяжёлой» свободы будет «лёгкое», недолгое и обманчивое счастье слабосильных и, в целом, малодостойных людей. Ориентация на это счастье есть псевдогуманизм, закрывающий перспективы личностного и социального развития.

Возвращаясь в XVIII век, когда идеи о совпадении целей свободы и счастья вошли в просветительские социально-политические программы, определившие на несколько столетий вперед перспективы «проекта Модерн», отметим, что это происходило с преимущественной опорой на линию Аристотеля–Локка в трактовке интересующих нас идей. Мысли Локка о счастье и свободе, в свете его учения о государственном правлении, цель которого — реализация естественных прав человека, стали частью идеологии Просвещения, поскольку отвечали гуманистическим устремлениям эпохи, связанным с оптимистическим представлением о человеческой природе. Понимание того, что стремление человека к счастью является, наряду с жизнью и свободой, его неотъемлемым правом, которое должно признаваться и отстаиваться государством, настолько проникло в политическое сознание, что воспринималось как само собой разумеющееся авторами Декларации независимости США 1776 г. В ней говорится: «Мы считаем самоочевидными истинами, что все люди созданы равными, что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами, что среди них — жизнь, свобода и стремление к счастью» [Declaration of Independence web].

Существенную роль в продвижении этих идей сыграли философы-просветители, развивавшие традиции эвдемонизма, прежде всего — Локк. Историк-правовед К.Н. Конклин приходит к выводу, что, в соответствии с юридическими представлениями XVIII века, право на стремление к счастью означало провозглашение неотъемлемого права на стремление к эвдемонии — к добродетельной, полноценной и благополучной жизни, к человеческому процветанию. Отсюда следовало «частное право на стремление жить в соответствии с законами природы, и общественный долг править в гармонии с этими законами» [Conklin 2015, 262].

С появлением этой Декларации стремление к счастью было впервые провозглашено официально, в основополагающем для правовой системы государства документе, как неотъемлемое человеческое право, а поддержка его — как общественно-политическая ценность и цель государственного правления. Правда, фиксация данного положения в документе такого уровня в эпоху Просвещения представлялось

слишком радикальным вызовом Нового Света. Даже революционная Франция, с ее девизом «Свобода, Равенство, Братство», не решилась законодательно признать стремление человека к счастью его неотъемлемым правом и взять конституционные обязательства по его поддержке. Правда, в Преамбуле Декларации 1789 г., во французском оригинале, говорится о ее направленности на содействие счастью всех — «au bonheur de tous» [Déclaration des Droits...web]. Положения обоих документов, касающиеся прав и свобод, в том или ином виде нашли отражение в ныне действующих конституциях многих стран, в том числе — России. Они получили развитие в принятой Генассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, задавшей ценностные и правовые ориентиры современному международному порядку. Но вот именно право на стремление к счастью долгое время казалось весьма проблематичным для законодательного закрепления и вошло в ограниченное число конституций. Лишь в XXI веке, как было сказано ранее, счастье официально провозглашается целью и критерием развития народов в документах ООН.

Итак, обзор движения философской мысли в контексте истории, а также результаты текущих исследований ценностей, свидетельствует в пользу наличия существенной необходимой связи между счастьем, свободой и достоинством личности. В динамике эта связь проявляется в том, что они взаимно обуславливают рост содержательности и ценности друг друга, способствуя совершенствованию личности, историческому прогрессу, гуманизации жизни. Этот рост труден и рискован, особенно — в деле расширения свободы, он требует увеличения целенаправленных усилий человека, творческих ответов на новые вызовы. Здесь неизбежны неудачи, остановки и свобода, тем труднее они достигаются и сохраняются. Содействие преодолению помех на этом пути могут оказать дальнейшие исследования ценностей и их динамики в мире. Из области, близкой к теме данной статьи, наиболее перспективны, на мой взгляд, задачи изучения противоречий в соотношении глобального, локального и персонального, а также устойчивого и изменчивого, в содержании и ценностном статусе счастья, свободы и личного достоинства. Необходимо прояснения их соотношения с другими ценностями и факторами благополучия — справедливости, гуманности, солидарности, безопасности, материальной обеспеченности, доступности образования, знания и возможностей улучшения жизни, предоставляемых новейшими достижениями общества знания.

Дальними ориентирами на пути гуманизации жизни могут служить философски сконструированные образы совершенного состояния счастья, свободы и личности в их единстве. В самом общем виде взаимосвязь идеалов счастья, свободы и личности, характеризующихся предельной ценностной и содержательной развитостью, мне представляется следующей. Совершенное счастье есть состояние жизни, которое характеризуется тем, что она усилиями человека максимально приближается к идеалу жизни, то есть к тому, в чем он видит ее смысл. Поэтому человек доволен ее общей направленностью и собой как реализующим свои лучшие возможности в расширении сферы блага для себя и других людей. Неотъемлемым компонентом такого счастья является столь же развитая в ценностном и содержательном отношении свобода. Суть ее в том, что личность сама, по собственному выбору, строит свою жизнь, руководствуясь ее идеалом и следуя восходящему порядку ценностей, в соответствии с отмеченными Кантом целями собственного совершенства и счастья других людей. Главный мировоззренческий смысл единства счастья, свободы и личного совершенствования замечательно выражен в высказываниях Л.Н. Толстого, отчасти приведенных в эпиграфе к данной статье. Он пишет в дневниках 1889 г.: «Совпадение линии жизни с линией идеала есть счастье, <...> усилие для этого совпаден[ия] есть дело жизни. <...> Нужно одно: самому, каждому приближаться к идеалу по мере света. О коли бы это начали делать. Что бы случилось со всем злом мира?!» [Толстой 1952, 166, 72].

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translations

- Аристотель 1984 – *Аристотель*. Никомахова этика. Политика // Аристотель. Соч. в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1984 (Aristotle, *Nicomachean Ethics. Politics*. Russian translation).
- Достоевский 1991 – *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 1–3. // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука, 1991 (Dostoevsky F. *The Brothers Karazov*. In Russian)
- Кант 1994 – *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // *Кант И.* Соч. в 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994 (Kant I. *Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. Russian translation).
- Кант 1995 – *Кант И.* Критика практического разума. Метафизика нравов // Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995 (Kant, I. *Kritik der praktischen Vernunft. Die Metaphysik der Sitten*. Russian translation).
- Ксенофонт 1993 – *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993 (Xenophon. *Memoabilia*. Russian translation).
- Локк 1985 – *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985 (Locke J., *An Essay Concerning Human Understanding*. Russian translation).
- Толстой 1952 – *Толстой Л.Н.* Дневники и записные книжки 1888–1889 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 томах. Т. 50. М.: Художественная литература, 1952 (Tolstoy L. *Diaries and Notes, 1888–1889*. In Russian).

Ссылки – References in Russian

- Инглхарт 2018 – *Инглхарт Р.* Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
- Рахманкулова 2016 – *Рахманкулова Н.Ф.* О ценности свободы // *Ценности и смыслы*. 2016. № 3. С. 16–29.
- Селигман 2013 – *Селигман, М.* Путь к процветанию. Новое понимание счастья и благополучия. Пер. с англ. Е. Межевич, С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Субботина 2018 – *Субботина Н.Д.* Идея гуманизма как фактор общественного развития // *Вопросы философии*. 2018. № 8. С. 5–15.

References

- Conklin, Carli (2015) “The Origins of the Pursuit of Happiness”, *Washington University Jurisprudence Review*, 7 (195), pp. 195–262.
- Déclaration des Droits..web – Déclaration des Droits de l’Homme et du Citoyen de 1789 (web) <https://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution/Declaration-des-Droits-de-l-Homme-et-du-Citoyen-de-1789>
- The Declaration of Independence: Full text (web) <http://www.ushistory.org/declaration/document>
- Inglehart, Ronald F. (2018) *Cultural Evolution. How People’s Motivations are Changing and How this is Changing the World*, Cambridge University Press, New York and Cambridge. (Russian translation).
- Happiness: towards a Holistic Approach to Development. 65/309 Resolution Adopted by the General Assembly on 19 July 2011 (web), https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/65/309.
- Helliwell, John F., Layard, Richard, Sachs, Jeffrey D. (eds.) (2018 web) *World Happiness Report 2018*, https://s3.amazonaws.com/happiness-report/2018/WHR_web.pdf.
- Oxford Handbook of Well-being and Public Policy (2016) Ed. by Matthew D. Adler and Marc Fleurbaey, Oxford University Press, Oxford.
- Rakhmankulova, Nelli (2016) “On the Value of Freedom”, *Tsennosti i Smy Sly*, Vol. 3 (2016), pp. 16–29 (in Russian).
- Ryan, Richard, Deci, Edward (2017) *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*, Guilford Press, New York.
- Seligman, Martin (2011) *Flourish: A Visionary New Understanding of Happiness and Well-Being*, Free Press, New York (Russian translation).
- Subbotina, Nadezhda D. (2018) “The Idea of Humanism as a Factor of Social Development”, *Vo-prosy Filosofii*, Vol. 8 (2018), pp.5–15 (in Russian).
- Sustainable Development Goals. 17 Goals to Transform Our World (web) <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals>
- World Values Survey (web) <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

Сведения об авторе

РАХМАНКУЛОВА Нэлли Фидиаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Author’s information

RAKHMANKULOVA Nelli F. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.